

Сомова Юлия Юрьевна

ИЗУЧЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ МЕТАФОРЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена рассмотрению диалектной метафоры в рамках семантического аспекта на примере донских казачьих говоров. Диалектная метафора, в отличие от литературной, обладает свойством широкой вариативности, благодаря чему она позволяет выявлять более тонкие оттенки смыслов, различий и сходств значений слов. Автор на конкретных примерах показывает, как диалектная речь позволяет увидеть тенденции развития тех или иных метафорических значений и закономерности выбора лексем для экспликации этих значений. Также утверждается, что существуют определенные алгоритмы метафорических преобразований, в метафорических оборотах используется общепринятый традиционный набор слов, ограниченный объемом памяти и обусловленный функцией идентификации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 179-182. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 8; 81-2

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению диалектной метафоры в рамках семантического аспекта на примере донских казачьих говоров. Диалектная метафора, в отличие от литературной, обладает свойством широкой вариативности, благодаря чему она позволяет выявлять более тонкие оттенки смыслов, различий и сходств значений слов. Автор на конкретных примерах показывает, как диалектная речь позволяет увидеть тенденции развития тех или иных метафорических значений и закономерности выбора лексем для экспликации этих значений. Также утверждается, что существуют определенные алгоритмы метафорических преобразований, в метафорических оборотах используется общепринятый традиционный набор слов, ограниченный объемом памяти и обусловленный функцией идентификации.

Ключевые слова и фразы: диалектная метафора; семантика; полисемия; мотивация; мотивировочный признак; семантическая модель.

Сомова Юлия Юрьевна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

yuliya-somova@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ МЕТАФОРЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ©

Изучению языковой метафоры посвящено значительное количество научных работ. Однако при исследовании диалектной метафоры возникает немало сложностей, связанных, прежде всего, с особенностями функционирования диалектных единиц, формированием их семантической структуры. Если диалектное метафорическое значение входит в ряд значений полисемантического слова даже в пределах одного говора, часто нельзя поручиться за то, что оно образовалось от одного из отмеченных прямых значений. Высока вероятность того, что диалектная метафора ведет свое происхождение от незафиксированного по тем или иным причинам значения или заимствована из другого говора. Невозможность последовательного и детального семантического анализа большей части диалектной лексики в составе определенных лексико-семантических групп обуславливает выпадение ее из массива слов, подвергающихся рассмотрению.

Существует также сложность в разграничении материала: на первый взгляд, диалектные единицы построены на основе метонимии, но при этом имеют метафорическое значение. Например: *поднимать ноги* 'спешить, убежать'; *подпирать плечом* 'помогать, оказывать содействие'; *подержать за хохолок* 'наказать'; *отрокидывать стаканчики* 'употреблять алкогольные напитки'. В данной ситуации, на наш взгляд, следует говорить о разных пониманиях термина «метафора»: в широком смысле – как употреблении слова в переносном значении, в узком – как переносе значения по сходству. Мы в своем исследовании придерживаемся широкого понимания метафоры.

Диалектная метафора обладает свойством широкой вариативности, наличия большого количества дериватов и слов, находящихся в синонимических отношениях. Благодаря этому она позволяет выявлять более тонкие оттенки смыслов, различий и сходств значений слов, их перекрещивающиеся связи, чем в литературном языке. Показательна в этом отношении диалектная лексика тематической группы «Худой человек»: *вилочий* 'худой, тощий', *выжарка* 'о худом человеке', *жердина* 'о высоком худощавом человеке', *задвохлик* 'о худом, слабом человеке или животном', *кабарга* 'очень худой человек', *оморок* 'об очень худом, больном, хилом человеке или животном' и др. Общим для всех этих лексем является значение «худой», однако у слова *жердина* появляется дополнительная сема «высокий». Появление этого дополнительного оттенка значения связано непосредственно с прямым значением лексемы. В «Словаре донских казачьих говоров Волгоградской области» (СДГВО) мы находим только переносное значение. В литературном языке зафиксировано в качестве значения следующее: «длинный тонкий ствол срубленного дерева, очищенный от веток» [7, с. 478], переносное же значение у слова не зафиксировано. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *жердина* также зафиксировано с одним значением «тонкий длинный шест», однако в той же словарной статье появляется лексема *жердила* со значением «долговязый худой человек» [2, т. 1, с. 534]. Следовательно, можно сделать вывод, что появление у данной лексемы переносного значения в говоре обусловлено визуальным сходством худого человека с тонким стволом дерева.

У лексем *задвохлик* и *оморок*, помимо значения «худой», появляется дополнительная сема «слабый». Появление этого оттенка значения связано с представлением народа о том, что худой человек – больной, поэтому не может выполнять большую физическую работу, и, соответственно, он слаб. Так, на примере синонимического ряда показаны разные оттенки значения, выраженного диалектными метафорами.

Диалектная речь предоставляет исследователям материал, который иллюстрирует различные языковые процессы, связанные с метафорическим способом словопроизводства, позволяет увидеть тенденции развития тех или иных метафорических значений и закономерности выбора лексем для экспликации этих значений [3; 4]. В состав метафорической диалектной лексики входят слова, которые имеют более широкий, по сравнению с литературными аналогами, спектр переносных значений (семантические диалектизмы): *бурлак*

‘неженатый, бессемейный казак, не имеющий дома и хозяйства’; *болтыш* ‘о никчемном, пустом человеке’; *облить* ‘несправедливо обвинить, оговорить’; наименования, вышедшие из употребления, но еще встречающиеся в речи представителей старого поколения (архаизмы): *абрек* ‘тот, кто промышляет разбоем, грабежом, разбойник’; *кубик* ‘специальный столб, место поста, караула служащих в столице казаков’; новообразованные метафоры, отмеченные в единичных речевых контекстах (окказионализмы): *луноход* ‘телега без бортов, используемая в сельском хозяйстве’; а также диалектные метафоры, имеющие синонимичные литературным аналогам значения, как прямые, так и переносные, но отличающиеся набором корневых морфем (лексические диалектизмы) или аффиксальных морфем (словообразовательные диалектизмы). В донских казачьих говорах отмечены многочисленные словообразовательные варианты общенародно известных метафор *ареней* ‘о надоедливом человеке’ [5, вып. 1, с. 61]; *опутлять* ‘подчинить своему влиянию’ [Там же, вып. 4, с. 95]; *повертаться* ‘принимать иной характер, изменяться’ [Там же, с. 257].

Многие диалектные метафоры полисемантически: имеют несколько семантически связанных переносных значений в пределах одного говора. Так, в донских казачьих говорах зафиксировано слово *бзык* с прямым значением ‘жалящее насекомое овод’ [Там же, вып. 1, с. 123]. От этого значения образуется переносное – ‘беспокойство, вспышка испуга скота, вызванные гнусом, мошкаррой, оводами и слепнями’ [Там же]; таким образом, в переносном значении слова отражена уже реакция страдающих от укусов насекомых животных, это и является мотивировочным признаком. От первого переносного значения образуется следующее – ‘выражение недовольства дёрганьем, нервное беспокойство, вспыльчивость, несдержанность (о человеке)’ [Там же]. В данном примере представлена цепочечная полисемия, при которой каждое последующее значение мотивируется предшествующим. Еще одним примером цепочечной полисемии может служить метафора *врюхаться*. Это слово имеет прямое значение ‘влезть, провалиться во что-либо пачкающее; испачкаться’ [Там же, с. 286]. Явная отрицательная коннотация прослеживается и в первом переносном значении ‘попасть в неприятное, трудное положение’ [Там же], что, по-видимому, и является основанием для образования вторичного значения – ‘почувствовать любовное влечение к кому-л.; влюбиться’ [Там же]. Прекрасному чувству любви этой лексической единицей дается отрицательная оценка. Однако следует отметить, что чаще это слово употребляют люди, смотрящие на ситуацию влюбленности «со стороны», особенно, если влюбленные не равны по возрасту, социальному положению. Такая любовь сравнивается как раз с попаданием в неприятное, безвыходное положение, это и является мотивировочным признаком для данного значения.

Примером радиальной полисемии является слово *вилюжка*, прямое значение которого – ‘извилина, изгиб’. На основе этого прямого значения образуются три переносных: 1) ‘о человеке, идущем шатаясь, неровно’; 2) ‘хитрость, изворотливость’; 3) ‘вариации, перекаты, перепады голоса при казачьем пении’ [Там же, с. 248]. Глагол *забалмутить* также является примером радиальной полисемии. Прямое значение – ‘смешать, перемешать воду, сделав ее мутной’ – является производящим для двух переносных: 1) ‘начать шумный разговор, зашуметь’; 2) ‘привести в замешательство, сбить с толку’ [Там же, вып. 2, с. 162-163]. Мотивировочным признаком для образования первого переносного значения, на наш взгляд, является сравнение шумного разговора с мутной водой: при таком разговоре также ничего непонятно, как и в мутной воде ничего не видно. Во втором переносном значении основой является «смущение, замешательство», т.е. именно процесс «перемешивания», только уже в отношении к человеку.

Интересно также отметить, что в разных говорах одна и та же лексема может породить, помимо широко распространенных, и ситуативно обусловленные значения, которые могут совпадать. Например, слово *бурлак* имеет основное лексическое значение ‘рабочий на реке, входивший в артель, которая передвигала суда при помощи бечевы или гребли’ [Там же, вып. 1, с. 180]. Несомненно, носители языка были знакомы с данной лексемой и ее прямым значением. Однако во многих говорах это слово приобрело и переносные значения. В донских казачьих говорах оно приобретает вторичное значение ‘неженатый, бессемейный казак, не имеющий дома и хозяйства’; интересно отметить, что это же значение встречается и в архангельских говорах [6, с. 291]. Вероятно, мотивацией для появления этого значения послужило то, что чаще всего на заработки уходили мужчины, которые не имели семьи, дома, которых ничего не могло удерживать на одном месте. Следует отметить, что первоначально и казаки не обзаводились семьями, чтобы ничего не препятствовало вести кочевой образ жизни. В ярославских и вологодских говорах данная лексема, помимо основного, имеет значения ‘скандалист’ или ‘тот, кто любит повеселиться, погулять’, а в пермских говорах употребляется по отношению к бесхозяйственному, ничего не умеющему делать человеку [Там же]. Несмотря на то, что территории, на которых распространены указанные говоры, довольно удалены друг от друга, нельзя не отметить отрицательную характеристику всех вторичных значений. Поэтому можно сделать вывод, что появление этого слова в метафорическом значении в донских казачьих говорах относится к XVI-XVII векам, когда казаки начинают вести оседлый образ жизни и обзаводиться семьями. Именно с этого времени семья становится ценностью, а ее отсутствие рассматривалось как нечто противостественное. До этого же момента отсутствие дома и семьи считалось нормой.

Сходства и различия в лексическом наполнении семантических моделей обусловлены территориальным разделением, замкнутостью отдельных диалектных микросистем и, наоборот, открытостью, проницаемостью лексического фонда по отношению к собственным инновациям и к заимствованиям из других говоров [8, с. 208]. В диалектной лексике при образовании переносных значений происходят универсальные для всех говоров семантические процессы, которые отражают специфику диалектного языка как системы, развитие которой обусловлено экстралингвистическими причинами в силу культурной общности народа и системными отношениями внутри самого языка. Обусловлены системными отношениями процессы обобщения метафорических

значений слов, которые относятся к одной лексико-семантической группе, и образования обобщенных прототипов метафорических образов под влиянием семантической общности этих слов.

Известно, что в процессе образования метафор большое значение имеет субстанциональная база, т.е. конкретный образ или идея, формирующие потенциал развития переносного значения. Существуют определенные алгоритмы метафорических преобразований, выработанные длительным, постоянным использованием данного вида языковой практики, так как акт коммуникации предполагает взаимопонимание говорящего и слушающего, базирующееся на узусе коллективных представлений, общей психологии, житейской философии. В метафорических оборотах используется общепринятый традиционный набор слов, ограниченный объемом памяти и обусловленный функцией идентификации (узнавания). В связи с этим в сознании человека формируется понятие о так называемом прототипе – вероятностном и наглядном образе как вспомогательном средстве отождествления восприятия. В психолингвистике утверждается, что «значения многих слов, относящихся к определенному классу предметов или существ, представленных в ментальном словаре, сконцентрированы вокруг репрезентации там прототипичного члена данного класса» [3, с. 125]. Диалектные метафоры показывают тесное семантическое единство некоторых прототипических образов. Наименования многих семантически связанных субъектов метафоры образуют синонимичные метафорические значения, имеющие комплекс сходных денотативных и коннотативных элементов значений. Приведем в качестве примера группу донских диалектных метафорических наименований, объединенных семантической моделью **Мифическое существо** → **Человек**. В составе этой группы выделяются метафоры, значения которых мотивированы признаками не одного образа, а целой группы ключевых образов, составляющих обобщенные мотивировочные прототипы субстантивных антропоцентрических метафор.

Среди диалектных метафор выделяются существительные, обозначающие в своем прямом значении мифические существа, болезни, рыб, животных, птиц, в тела которых, по поверьям крестьян, вселяются злые или добрые духи, и людей, чья деятельность связывается в сознании народа с действиями «нечистой силы». Метафорический перенос наименования злого мифического существа или человека, связанного с «нечистой силой», на наименование очень плохого, вредного, злого, опасного для общества человека является частным случаем метафорического типа **Человек** → **Человек**. Так, в донских казачьих говорах широко распространена лексема *ведьмак* 'тот, кто занимается колдовством; колдун', что подтверждает большое количество однокоренных слов: *ведьмач*, *ведьмачить*, *ведьмовать*, *ведьмяка*. Однако эта лексема имеет и вторичное значение 'некрасивый, угрюмый человек' [5, вып. 1, с. 213]. Издревле считалось, что человек, обладающий каким-либо тайным знанием, чуждался других людей, редко вступал с ними в общение, а также обладал малопривлекательной внешностью. Видимо, именно это и стало основным мотивировочным признаком для переносного значения.

Необходимо заметить, что дифференциальные признаки, мотивирующие метафорический перенос, часто осознаются лишь на уровне самых обобщенных категориальных представлений о свойствах, качествах, состояниях и действиях: 'кто-либо очень сильный', 'кто-либо очень злой, вредный', 'что-либо страшное, пугающее', а также 'что-либо непонятное, беспокоящее'. «Это общий закон развития значений многих существительных, прилагательных, глаголов, наречий, которые при метафорическом переносе наименований переходят от выражения определенных признаков референта к выражению более отвлеченных понятий – оценки качественной приятно/неприятно или количественной много/мало» [1, с. 18]. Примерами таких метафор могут выступать следующие: *аггел* – 1) 'нечистая сила, бес', 2) 'негативная характеристика человека' [5, вып. 1, с. 45]; *анчибил* – 1) 'нечистая сила, черт', 2) 'озорник, шалун, проказник' [Там же, с. 56]; *анчихрист* – 1) 'нечистая сила, бес', 2) 'неверующий человек, атеист', 3) 'озорник, шалун, проказник' [Там же, с. 57]. Широкая лексическая база и фонематическая вариативность регулярных метафор в говорах сопровождаются и разнообразием их семантического содержания, что дает богатый материал для исследования. Следует обратить внимание и на собственно лингвистические причины, которые обуславливают появление новых диалектных метафор и производных слов, значения которых находятся в русле семантической деривации исходных диалектных слов. Очевидно, что диалектоносители произвольно выделяют некоторые лексические основы, наиболее часто употребляя их для образования слов с определенным комплексом метафорических значений. Регулярное использование в речи метафорических наименований, принадлежащих к одному словообразовательному гнезду, создает языковой фон, устойчивую основу для действия той или иной метафорической модели и для развития семантического содержания однокоренных метафор. Так, в донских казачьих говорах широко распространены метафоры со словообразовательным формантом *анч-*: *анчихрист*, *анчибил*, *анчутка* – имеющие сходное прямое значение 'нечистая сила, черт' и сходные вторичные значения 'озорник, шалун, проказник'. Также показательным примером устойчивой метафорической модели является словообразовательное гнездо с корнем *бзык-*: *бзык*, *бзыкать*, *бзыкливый*, *бзыкнуть*. Интересно отметить, что первоначальное значение 'жалящее насекомое овод' [Там же, с. 123] сохранилось только у существительного. Остальные же слова этой цепочки имеют значения на основе вторичного: *бзыкать* 'сердиться, злиться, проявлять несдержанность, вспыльчивость, горячиться, обижаться' [Там же, с. 124]; *бзыкливый* 'вспыльчивый, неуравновешенный, обидчивый' [Там же].

Итак, рассмотрение диалектной метафоры в семантическом аспекте – весьма перспективное исследование, несмотря на ряд сложностей, связанных с функционированием этих единиц. Однако, на наш взгляд, изучение диалектной метафоры не должно происходить только в рамках одного аспекта: нужен системный подход к ее изучению. Поэтому дальнейшей разработки требует исследование метафоры в рамках гносеологического, словообразовательного и структурного аспектов.

Список литературы

1. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Гак В. Г. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М., 1955.
3. Колосько Е. В. Метафорическая лексика в русских народных говорах (на материале субстантивной антропоцентрической метафоры): дисс. ... к. филол. н. СПб., 2002. 273 с.
4. Проскурина А. В. Когнитивное моделирование диалектной словообразовательной системы (на материале русских народных говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 166-168.
5. Словарь донских казачьих говоров Волгоградской области / авт.-сост. Е. В. Брыкина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун. Волгоград, 2006-2009. Вып. 1-6.
6. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Сороколетова. Л., 1968. Вып. 3.
7. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985. Т. 1.
8. Спирина И. Т. Некоторые семантические процессы при заимствовании и освоении тюркских слов в говоре уральцев // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1969. Вып. II. Ч. 1. С. 208-209.

DIALECT METAPHOR STUDY IN SEMANTIC ASPECT

Somova Yuliya Yur'evna

Volgograd State Social-Pedagogical University

yuliya-somova@yandex.ru

The article is devoted to dialect metaphor consideration in the frames of semantic aspect by the example of Don Cossack dialects. Dialect metaphor in contrast to literary one has wide variants characteristic thanks to which it allows revealing more delicate nuances of senses, differences and similarities of words meanings. By the concrete examples the author shows how dialect speech allows seeing the development tendencies of these or those metaphorical meanings and lexemes choice regularity for the explication of these meanings. Also it is affirmed that there are definite algorithms of metaphorical transformations; in metaphorical phrases traditional vocabulary limited with memory volume and conditioned by identification function is used.

Key words and phrases: dialect metaphor; semantics; polysemy; motivation; motivation sign; semantic model.

УДК 811.133.1

Филологические науки

В статье анализируется функционирование пассивных конструкций с агентивным дополнением в профессиональной таможенной литературе. В ходе исследования феномен залога рассматривается как грамматически оформленная в глаголе диатеза. Анализируется синтаксическая структура пассивных конструкций, приводится классификация агентивных дополнений, определены их функции. Выявлено, что семантика глаголов пассивных конструкций отражает основные аспекты таможенной сферы деятельности. Рассмотрены вопросы перевода пассивных конструкций на русский язык.

Ключевые слова и фразы: категория пассивного залога; диатеза; агентивное дополнение; синтаксическая структура; семантическая характеристика.

Сосунова Галина Александровна, к. пед. н, доцент

Российская таможенная Академия

galinaRTA@mail.ru

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С АГЕНТИВНЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАМОЖЕННОГО ДИСКУРСА)©

Вопросы семантико-синтаксических особенностей пассивных конструкций, проблем их перевода на русский язык отражены в работах отечественных и зарубежных исследователей, таких, как В. Г. Гак, С. И. Кауфман, Н. П. Полищук, Г. Г. Сильницкий, Н. А. Толстова, В. С. Храковский, О. В. Чебаевская, С. А. Шубик, Н.-D. Béchade, J. Dubois, M. Grevisse, J. Pinchon, M. Riegel, J. Pellat, R. Rioul, L. Tesnière и ряда других лингвистов. Темпорально-семантическая специфика пассивных конструкций рассмотрена ранее автором данной статьи [5, с. 72-76].

Феномен категории пассивного залога рассматривается лингвистами как процессуальная категория (где семантической основой пассивной конструкции является выражение залога субъекта, который вызван действием объекта, и при этом меняется грамматическое значение глагола – акциональность на процессуальность), как два залога глагола (активный, при котором подлежащее совершает действие и пассивный, обозначающий, что подлежащее испытывает действие) [12, р. 160], в исследованиях акцентируется внимание на аналогичные свойства пассива и переходных глаголов [8, с. 109; 9, с. 6]. Залог представляет собой грамматически оформленную в глаголе диатезу, часто классифицирующуюся параллельно залогу; во французской лингвистике термин «диатеза» (*diathèse*) ранее рассматривался как синоним термина «залог» (*voix*). Диатеза как синтаксическая категория